

Настасья
Реньжина

ПОСЛЕДНИЙ
ПАРОМ
ЗАБОЛОТЬЯ

Уехать нельзя,
остаться невозможно

Настасья Реньжина

Последний паром Заболотья

Серия «Окно в Россию»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73371113
Н. Реньжина. Последний паром Заболотья: ООО «Издательство
«Эксмо»; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-240661-4

Аннотация

Настасья Реньжина, автор бестселлера «Бабушка сказала сидеть тихо», открывает серию региональной прозы «Окно в Россию» историей с родной Вологодчины.

В северной деревне Заболотье, на берегу Шексны, природа и человеческие судьбы сплетаются в тугой узел. Паромщик Михаил любит эту суровую землю и таинственную затопленную церковь в Крохино, восстающую из воды как призрак прошлого. Он цепляется за корни и верит, что даже здесь можно построить будущее. Его жена Ира, задыхаясь от нищеты и безысходности, видит в родной деревне лишь болото упадка, где каждый дом хранит память о чужом горе и неотпущенных грехах.

«Последний паром Заболотья» – новая книга Настасьи Реньжиной, автора бестселлера «Бабушка сказала сидеть тихо». Это пронзительный роман о русском Севере и вымирающих

деревнях Вологодчины, о силе места, семейных травмах и мучительном выборе между родной землей и будущим.

Содержание

Пролог	6
1. Паромщик	19
2. Васька	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Настасья Реньжина

Последний паром Заболотья

© Н. Реньжина, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Памяти моего папы.

Я всегда буду любить тебя.

Пролог

2024 год

Слишком далеко и слишком глухо. Они бросили машину минут двадцать назад, оставили на заросшей лесной дороге, после того как Митя объявил, что дальше проехать не сможет. Все четверо вылезли из «Мазды». Юля тут же достала телефон и сделала селфи. Лена уныло огляделась. Митя проверил колеса. Даня втянул воздух и, прикрыв глаза, громко выдохнул: «Хорошо-то как!» Они молча двинулись по дороге, которую все больше и больше затягивало мхом и травой, пока она не пропала совсем. Лена оглянулась: ярко-красная «Мазда» посреди темно-зеленого леса смотрелась чужеродно и нелепо, но зато ее было легко найти. Вскоре и она исчезла. Лес ее спрятал.

Парни неслись широкими шагами, точно лоси. Девушки едва успевали за ними, но окликнуть не решались. Спотыкались, напарывались на острые сучья – руки в кровь, падали носом в мох, поднимались, к лицам прилипала густая паутина. Юле под штаны муравей заполз, не прогнать, кусается теперь.

– Эй! – ветер подхватывает крик и уносит прочь.

Парни не оглянулись даже.

– Э-эй!

Встали. Но девушек не ждали, просто мешкали, сверялись с компасом, навигатором, картой, солнцем, ветром, соснами, елями, чагой, брусничным листом.

Догнали.

– Здесь точно есть деревня? – спросил Даня Лену.

Она кивнула, хотя сама уже начала сомневаться. По отцовской карте из куска старых обоев, на которой елочки словно детской рукой нарисованы, Заболотье где-то здесь, рядом.

– На кой нам сдалась эта деревня? – вытолкнула из себя Юля. – И название дурацкое какое-то.

Достала из кармана телефон – одна черточка. Связь хоть и слабая, но есть. Открыла загруженные заранее карты: посреди зеленого Ничто одиноко торчала коричневая стрелка. Ни тропинок, ни дорог, ни заброшенных деревень, ни нужного им Заболотья. Сама решай, где ты.

– В смысле «на кой»? – возмутился Митя. – Ленка говорит, большая была деревня. Мне кажется, тут есть чем поживиться? Да, Ленк?

Лена опять кивнула, а самой страшно стало. Не от леса и не оттого, что Заболотье найти не могут, а как раз наоборот: вот доберутся они до деревни, а там пусто, там нечем поживиться. Получится, что зря она друзей сюда притащила. А ведь два дня назад она чуть не взвизгнула от восторга, когда ребята согласились с ней поехать в Заболотье, которого уже и на Яндекс-картах нет.

– Слушайте, в округе и без того много заброшек, – продолжала ворчать Юля. – Че мы сюда поперлись? Неужели нельзя было найти что-то поближе к дороге.

– Ближе? – спросил Митя. – Забыла, как нас в прошлый раз чуть не поймали?

Ребята уже не впервые по заброшенным деревням ползают – ищут забытое-старинное, а потом перепродают. Хобби такое. У каждого своя работа: Митя – автоэлектрик, Даня – программист, Юля и Лена – бухгалтеры, но интерес к заброшкам у них общий. И едва только выходной выпадает на один день, едут исследовать оставленные людьми деревни. Парни больше наживы ради – вдруг что-то ценное, а то и вовсе клад попадется. Девушки же скорее из любопытства: это как проникнуть в чужую жизнь, прикоснуться к тому, что твоим не было, но хотя бы на мгновение может таковым стать.

Прошлая вылазка была неудачной. Принесла лишь рваные штаны, колени в синяках, царапины по телу. Долгий-долгий свист за спиной – то ли полицейский, то ли просто мужики какие – не разберешь. Да и не надо было разбирать. Бежать надо было. Прыгать из окна старого дома, скорее к машине, уносить ноги. Побросать все, что в руках, все равно ничего толкового не нашли – зеркало старинное да дырявые рушники. Рушники и даром никому не нужны, а зеркало на «Авито», ну, тысячи за три можно продать. Разве ж это улов? Даня зеркало бросил, то упало, разбилось и злобно

звякнуло обидчикам вслед.

Со старыми домами всегда сложно: не поймешь, насколько они заброшенны. Стоят себе годами, кренятся набок и медленно оседают, будто от усталости. И не нужны никому. И забыты всеми. Но стоит только в них залезть, как сразу находятся защитники: это нельзя, это чужое, это грех!

Грех бросать все это. И себе не брать, и другим не давать.

– Туда! – скомандовала Лена, указав на чащобу.

– Эм... Там точно когда-то жили люди? – Юля закатила глаза. – В такую глушь только собаки умирать ходят.

– Туда! – настояла Лена.

Теперь шли медленнее. Даня ветку сломал, размахивал ею, злых духов отгонял. Или комаров. Скорее комаров – их чем дальше, тем больше. Впиваются так, словно никогда крови не видели, как и выжили? У Юли уже все лицо от укусов чесалось, ладони чесались, затылок чесался. Наверняка все красное, пупырчатое. Камеру на телефоне включила – так и есть, волдыри. Проклятые комары!

Деревья зачастили, уплотнились, сдвинулись. Даня, Митя и Юля совсем сникли, на Лену поглядывают – туда ли идем? Лена нижнюю губу искусала до крови, хорошо, не замечает никто, не видит ее неуверенности. Ребята доверяют ей, даже слишком доверяют, считают, что у нее особая чуйка на старинное – что стоит внимания, а что лучше оставить догнивать свой век вместе с заброшенной деревней.

В прошлом году забрались в Песках в старый дом. У того крыша почти рухнула, пол в дырах – можно погреб углядеть, окна выбиты. Словом, искать в таких домах обычно нечего. Разве что ворох корзинок, плесневелую одежду и съевшиеся от влажности открытки да письма, в которых не разобрать ни буквы. Вот и здесь ничего не нашлось. Остатки ткацкого станка, валенки, никуда не годные и проеденные мышами. Митя чертыхался. Даня весь пол оплевал. Юля, как всегда, недовольно закатывала глаза. Решили, что нечего тут искать, разве ждать, пока пол обвалится.

Уже на выходе Лена заметила крохотную дверь, как для ребенка. За дверью что-то вроде кладовки – темно и пусто. Лишь дощечка валяется.

Даня опять на пол плюнул.

– Думал, хоть тут что ценное будет.

Лена же дощечку на свет вытащила. Темная, почти черная, с трещиной сбоку.

– Разделочная, что ль? – спросил Митя.

– Не знаю, – Лена провела по дощечке кончиками пальцев, показалось, что неровное, будто что-то там есть под чернотой. – Непохоже.

– Да брось ты ее, – сказал Даня.

Но Лена взяла. Сама не знает зачем. Захотелось. Да и дощечка-то с тетрадный лист.

Дома протерла сухой тряпкой, влажной побоялась. Как была дощечка темной, такой и осталась. Лена положила ее на

подоконник и забыла дня на два, на три. А когда вспомнила, обнаружила, что проступил на дощечке рисунок – кисть руки, поднятая вверх. На следующий день обозначились глаза, а через неделю явился нечеткий, темный, но вполне различимый Христос.

– Икона! Ребят, это была икона! – радостно сообщила Лена друзьям.

Те не поверили, пока сами не увидели. А как увидели, так продать захотели. Такие древности им нечасто попадают. Иконы люди с собой уносят, покидая дома. Все могут оставить, а Богоматерь, Христа, Сергия Радонежского, других святых – никогда.

Лена икону продать не разрешила: это ее.

Минут через пять вышли к деревне.

– Так вот ты какое, Заболотье! – язвительно сказала Юля.

От деревни почти ничего не осталось. Дома черные, с обвалившимися крышами, какие-то избы и вовсе упали – не выдержали одиночества, у каких-то лишь нижние ряды бревен уцелели, на них кое-как держались кривые оконные рамы без стекол. Электрические столбы валяются, провода срезаны. Трава, кусты, борщевик захватили это место, еще немного – и проглотят полностью. Ни тропинок, ни дорог не осталось.

Ребята шли по деревне тихо, боясь нарушить ее покой.

– М-да-а, – протянул Митя. – Тут нам ловить нечего.

Лена молчала, чувствуя, что это она виновата в том, что Заболотья больше нет. Подвела чуйка.

– Смотрите! – крикнула Юля.

Между деревьями торчал небольшой серый дом, он стоял чуть в стороне от «большой деревни», оттого его и не заметили сразу. Он тоже покосился, и в крыше зияли дыры, одна стена почти упала, а вместо окон – чернота, но в него можно было залезть.

– Ну и хибара, конечно, – протянул Митя. – Как она выстояла, когда от других домов ни фига не осталось?

Митя, Даня и Юля чуть не побежали к серому дому, а Лена замерла – тело ее вдруг отяжелело, а сердце принялось отстукивать: «Оно-оно-оно-оно-оно-оно-оно-оно». Когда она дошла до дома, друзья уже повсюду там ходили, бродили, стучали, искали. Лена встала у входной двери и осмотрелась: все не то, все другое, деревья стали выше, травы больше, забора нет. Внутри у девушки – то ли тоска, то ли разочарование. Она вздохнула и зашла в дом.

Пахнуло прелым. Что-то зашуршало по серым стенам. Лена показала, что миллионы мелких жучков и паучков расползлись в стороны, попрятались по щелям. Ребята перекрикивались, казалось, что они слишком далеко, может, на другом конце деревни. Дом же уставился на Лену темнотой. Ничего. Ничего тут нет. Пустота. Чернота. И жучки. Деревянная мебель прогнила. Или дом ее медленно переварил в своем нутре. Сейчас и ребят начнет переваривать. Сожрал уже

– хап, а они и не заметили.

Лена провела по стене рукой – шершавая и холодная, как тогда. В голове вспылками вскрик, шипение, ссора. Отдернула руку.

Дом смотрел на Лену из самого темного угла. Там его глаза? Лена подошла ближе. В углу сидела кукла – пыльная, грязная, чумазая, на щеках неровный фломастерный румянец. Это она смотрела на Лену. Не дом. Кукла. Смотрела. Лена наклонилась, взяла куклу в руки.

– Думаешь, ценная?

За Лениной спиной возник Митя.

– Не думаю.

Лена выпрямилась.

– Даже как советскую игрушку не продать?

– Даже как советскую. Смотри, как разрисована. Кому такая нужна?

– А если отмыть?

– Попробуй. Мороки больше.

– Давай тогда выкину, – предложил Митя.

Но Лена вцепилась в куклу, прижала к себе, вытерла с нее пыль о свою толстовку.

– Ты чего? – Митя нахмурился. – Чего к ней так пристала? Или скрываешь, что она на самом деле деньжищ стоит?

– Да нет, не стоит, – сказала Лена. – Просто... Просто у меня в детстве такая же была. А потом потерялась. Я оставлю себе, окей?

Митя посмотрел на куклу. Посмотрел на Лену. Сощурил глаза – не доверял.

– Ладно. Но как только появится связь, я проверю на «Авито», сколько такое страшилище стоит.

Тут раздался Данин крик:

– Гляньте, что нашел!

С грохотом в комнату ввалилась стиральная машина. Следом за ней Даня. Дом наполнился гулом и сам загудел в ответ. Возмутился. «Эй! Мое!» Лена при виде стиралки нахмурилась.

– И? – не понял Митя.

– Что и? – передразнил Даня. – На безрыбье и старая стиралка – куш. Можно на металлолом сдать. Окупим бензин хотя бы. Все не зря гоняли.

– Зачем в такой хибаре стиралка? – спросила Юля. И тут же вытаращила глаза. – Не потащим же мы ее к машине!

– Почему?

– Далеко. Тяжело.

– Не тебе тащить, – огрызнулся Даня. – Мить, поможешь?

– Легко, – согласился Митя.

Они принялись перекатывать машинку с боку на бок, подгоняя к выходу, выволокли грохот в лес.

Лене хотелось заткнуть уши, закрыть глаза, захлопнуть дверь – лишь бы не видеть. Но чего? Чего она боится? Что парни забирают ненужную машинку? Они утаскивали и не такое. Документы, серебряные ложки, старинные зеркала,

ценные кольца и броши. И ни разу у нее не екнуло. А тут стиралку пожалела.

Грохот ширился, наполнял собой лес. Парни перекрикивались, будто мало им шума. Юля с Леной вышли следом – в доме больше нечего искать. Лена все еще прижимала к груди грязную куклу. Юля покосилась на нее:

– Это что еще такое?

– Да так. Напомнила о детстве, – пояснила Лена.

– Страшилище какое.

Возвращались той же дорогой, но вышли не туда. Будто в еще более глухой лес забрались. Юля выругалась:

– Ну началось.

А что, по ее мнению, началось, не сказала.

– Ерунда какая-то, – сказал Митя. – Давайте обратно к дому повернем.

Поволокли стиралку обратно. След в след.

К дому не вышли. Потеряли и его. Очутились в темном ельнике. Колючие лапы полезли к чужакам, забрались под футболки, стали по щекам хлестать. Ноги проваливались в рыхлое, мокрое. Комарье налетело будто по команде «Фас!».

– Что за чертовщина? – выругался Митя.

– Кажись, заблудились, – сказал Даня.

– Да как вообще? – закричал Митя. – Мы по своим же следам шли!

– И не пришли, – тихо сказала Юля.

– Так... – взял ситуацию в свои руки Даня. – Что там нуж-

но делать, когда леший водит? Одежду наизнанку выворачивать?

Митя сжал губы:

– В лешего веришь?

Даня чуть не заорал:

– Я во что угодно сейчас поверю, лишь бы домой вернуть-ся! Какого черта я иду по дороге, по которой шел до этого, а попадаю не туда?

Митя, Юля и Лена молчали.

– Ой, ну вас!

Даня вывернул наизнанку футболку и штаны, пнул стиралку и, оставив ее лежать на земле, зашагал.

– Ты куда? Заблудишься! – крикнул ему Митя.

– Я уже заблудился, но сейчас найдусь. А вы – как хотите.

Ребята смотрели другу вслед и ничего не делали. Оцепенели. Словно кто-то сверху, из-под крон деревьев, внушил им: «Отпустите». Некоторое время было слышно, как под нервными Даниными шагами ломаются ветки, как он черты-хается в очередной раз, но вскоре все звуки затихли.

– Что теперь? – спросил Митя.

– Я стиралку не потащу, – ответила Юля.

– Я тоже, – сказала Лена.

Юля достала телефон.

– Не ловит.

– Так, сначала нужно выбраться из ельника, – решил Митя. – Стремный он какой-то.

– Ельники все стремные, – сказала Юля. – Идем!

Ельник все не кончался. Тянулся и тянулся. Хлестал и хлестал колючками. Пугал темнотой. Звуки леса здесь смолкли, лишь слышно, как трещит хвоя под ногами. Вдруг перед ребятами выросла стена из травы, корней, поганок – не обойдешь.

– Ничего себе пень! – присвистнул Митя. – И кто его так выкорчевал?

Повалившийся набок пень перегородил им дорогу: справа плотный ряд елей, не протиснешься, слева не то болотце, не то лужа, но лучше не соваться – провалишься, затянет.

– Я сейчас перелезу, гляну, что там за пнем этим, – сказал Митя. – Вы подождите. Вдруг нет смысла туда идти, че вам зря корячиться?

Он мигом вскарабкался на пень.

– Ща я, ща.

Спрыгнул на ту сторону. И исчез.

– Ну что там? – крикнула Юля.

Митя не ответил.

– Мить?

Молчит. Лена залезла на пень. Мити нигде не было.

– Ми-и-ить? Это не смешно.

Тишина. И ельник затаился. Смотрит. Ждет, чем закончится.

– Митя? Ау!

Не откликнулся.

Лена вернулась к Юле.

– Идем.

И они побрели дальше от пня, дальше от ельника, через поляну, ноги сами вывели их к заброшенному Заболотью, мимо серого дома, через лес, прямо к машине. Парней возле нее не было. Машина открыта. Лена села на переднее сиденье, куклу кинула рядом, ударила что есть сил по рулю, машинный сигнал – Ленин призыв – разнесся по всему лесу. И еще раз, и еще, и еще. Перестала. Лес шумел ветвями, галдел птицами, шипел змеями. Даня и Митя молчали. Юля всхлипывала рядом с машиной. Еще посигналить, и еще раз. Громче! Громче не получается.

Лена упала на руль, разрыдалась. Юля забарабанила по окну:

– Кому звонить? Кого вызывать? МЧС? 911? «Лизу Аллерт»?

Всех и сразу.

1. Паромщик

2005 год

Паром шумно полз, тарахтел и скрипел, точно устал и хотел прирасти к берегу – этому или противоположному, без разницы, покрыться пылью, затянуться осокой, пустить на борт лягушек. Пусть живут себе. Пусть квакают день и ночь.

Трос натягивался, и Михаил напрягался вместе с ним. Цеплялся руками в железный борт, будто боялся качки, которой не было.

На дощатом полу старого парома стояла выдавшая виды «Нива». За час до нее паром перевез на тот берег «Опель», «Оку», «Форд Фокус» и два «Ланоса». Обрато вернул «ГАЗ». Михаил не любил этот момент, когда машины съезжали с парома, давали по газам и поднимали облака пыли. Это как плевок вместо благодарности.

Все вокруг – от захудалой сторожки паромщиков до усталого ивняка – умирало, умирало, но никак не могло умереть. Летом этим паромом каждый день кто-то пользовался – десятки людей ехали из заброшенного в забытое. Осенью грунтовку размывало, река вздымалась, паром замирал до следующего сезона. Ждал, когда дороги просохнут и вновь объедятся пассажиры.

Михаил скинул капюшон дождевика и подставил лицо

солнцу. Оно тут же кинулось на него лучами, попыталось впиться, да не удалось: лицо мужчины и без того уже напитано, черно-землистое. Северный рабочий загар. Кожа на щеках растрескалась мелкими чешуйками. Если б река эта впадала в море, то можно было бы сказать, что на щеках его соль, но нет – всего лишь сухость.

Река Шексна здесь вытекает из Белого озера.

Михаил скомкал в кармане купюры – две фиолетовые. Неплохой улов от сегодняшних туристов, но хотелось больше. Уже две группы к затопленной церкви свозил, вот бы взять еще одну. Паромщик думал: как бы предложить экскурсию тем, что на «Ниве»?

От переправы заброшенная церковь виднеется крошечным белым пятном – так и не поймешь, что это за чудо такое. И не сфотографируешь толком. Ближайший к церкви берег зарос лесом, дороги через него нет. Михаил вылавливал расстроенных путешественников прямо у переправы, показывал им брошюры с видами церкви: их в прошлом году напечатали волонтеры, надеялись собрать денег на восстановление. Михаил выпросил себе пять штук – уж больно красивые получились у волонтеров фотографии. Их теперь и показывал туристам: вот что увидите, если поедете со мной к церкви, вот что потеряете, если не поедете. Почти все соглашались. И пока паром стоял до следующего хода, у Михаила был ровно час, чтобы свозить, все показать, деньги получить.

«Нива» же подъехала ровно к началу движения парома,

успела в самый последний момент, поэтому Михаил и не подошел к сидевшим в ней мужчине и двум женщинам лет пятидесяти, не показал фотографии, не увлек, не настоял. А теперь как-то неловко – не в окно же стучать? Обычно он предлагал экскурсию как бы между прочим, и если отказывались, то уходил в сторожку, а то и вовсе отчаливал на другой берег. И никакой неловкости. Если же пассажиры «Нивы» откажут, то и деться некуда. Можно отойти на полметра и стоять краснеть оставшиеся пять минут, пока паром не причалит. Или не краснеть, тут уж смотря как откажут.

Вдруг передняя дверца «Нивы» открылась, водитель наполовину высунулся из машины.

– Можно? – спросил он у Михаила разрешения выйти на палубу парома.

Михаил кивнул и решил воспользоваться ситуацией:

– Церковь-то видели?

– Какую?

Понятно, проскочили мимо и не заметили.

– Дак там от переправы церковь затопленная видна, – говорил Михаил, подходя к мужику и протягивая тому сигарету – кури, если хочешь, разрешаю. – Прямо посреди воды стоит. Далековато, конечно, но примерно понятно. Мимо этой самой церкви в начале фильма «Калина красная» едет «Метеор» с Шукшиным. Ну, это когда Егора Прокудина из тюрьмы отпустили. Помните?

И сразу водителю буклет от волонтеров сунул, чтоб видел,

какая там красота.

– Девчонки! Смотрите, что пропустили! – Водитель передал буклет пассажирам.

Те склонились над ним, ахнули.

– А хотите, свожу к церкви? – наконец предложил Михаил, довольный тем, что все так хорошо складывается. – Пятьсот рублей.

– С каждого?

– Да ну, со всех.

Пассажиры «Нивы» совещались недолго, согласились сразу.

– Вы тогда, как с парома съедете, – сказал Михаил, – слева встаньте и меня дождитесь. Я обратную ходку сделаю – и за вами. Пять-десять минут, не больше. К затопленной церкви так просто не попасть – только на лодке, у меня моторка, мигом домчим.

«Нива» съехала с парома, Михаил на всякий случай показал влево – вот тут вставайте – и, пока отчаливали, следил за машиной, боясь, как бы не сорвалось. Улыбался широко-широко, махнул пару раз рукой, чтоб пассажиры думали: «Славная нас ждет экскурсия!»

Едва паром причалил обратно, Михаил ринулся к зарослям камыша, вытолкнул оттуда в реку моторку, прыгнул в нее, завел и поплыл к туристам – у него есть ровно час, чтобы успеть до следующего паромного хода.

Михаила всегда завораживало место, в котором река Шексна расширялась, вырываясь из Белого озера. Течение тут становилось быстрее – вода торопилась на свободу. Туристы тоже замерли, следили за берегами, что расступались перед ними. Река смелая – норовила плеснуть за борт, а то и вовсе перевернуть лодку. Иногда появлялись островки, такие крошечные, что к ним и не причалишь. С островков на проходящую мимо моторку кричали ополоумевшие чайки. Одна сорвалась и полетела за лодкой следом, прогоняя нарушителей спокойствия. Женщины попытались поймать птицу в объектив фотоаппарата, но только вертелись, так и не спустив затвор – чайка оказалась проворнее.

Михаил ухмыльнулся – каждый раз одно и то же. Ему казалось, что даже наглая чайка – одна и та же, узнает паромщика, летает за ним следом, привлекает внимание, кричит. Разобрать бы что, вдруг хорошее?

Когда до церкви осталось метров пятьдесят, Михаил заглушил мотор. Нужно остановиться, прочувствовать момент в полной тишине, успеть насладиться былой красотой. Церковь будто прямо из воды выросла, сама по себе, никто ее не строил, а где-то на дне ее корни. Чайка теперь кричала на туристов с колокольни, предупреждая, что все тут принадлежит ей. Ближайшая к лодке стена обрушилась, показывая церковное нутро – разбитое, растерзанное временем. Можно только представить, какими были купола, где находился неф, каким иконам когда-то молились прихожане.

– А как так вышло, что посреди реки церковь стоит? – спросил водитель «Нивы». – Как вообще к ней добирались? На лодках, что ли?

Михаил набрал побольше воздуха: вот его любимая часть экскурсии.

– Дак раньше тут не было столько воды. И стояло тут село Крохино, а при нем церковь Рождества Христова, которую вы видите перед собой – единственное уцелевшее сооружение после затопления.

– О боже! – воскликнула одна из женщин. – Тут был потоп? А люди что, погибли?

Она водила глазами по воде, словно ища там подтверждение своих слов и ожидая увидеть утопленников.

– Не совсем. Не волнуйтесь, никто не погиб, – успокоил женщину Михаил. – Крохино было затоплено при строительстве Волго-Балтийского водного пути в шестьдесят первом году. Если бы мы с вами поехали от парома в другую сторону, то попали б в Шекснинское водохранилище, его-то как раз и заполнили, когда прокладывали тут водный путь. Уровень воды в реке Шексне поднялся сразу на пять метров, поэтому Крохино оказалось в зоне затопления. Жителей расселили по другим населенным пунктам. Все село оказалось под водой, а над ней – одна церковь Рождества Христова. Кстати, это единственный храм на воде, сохранившийся после затопления огромных территорий при строительстве Волго-Балта.

Говорил Михаил четко, не сбиваясь, чем был очень дово-

лен. Речь выученная, не раз и не два сказанная. «Вот бы всегда так хорошо говорить, а не только сейчас и про церковь», – думал паромщик.

– Атлантида, получается, – сказал мужчина.

– Получается, – согласился Михаил. – Хотя мне больше нравится легенда о Китеже. Как-то роднее, что ли. Но домов под нами нет, все вывезли по бревнышку до того, как затопить.

Что-то про Крохино и церковь он вычитал из буклета волонтеров, что-то обсуждали на пароме с мужиками, а что-то с самого рождения было с Михаилом – сидело внутри, как часть его самого, такая же, как любовь к родному Заболотью, лесу вокруг него, бесконечным болотам. Наверное, о Крохино болтали в деревне, не раз писали о нем газеты – тут слово, там предложение, вот и появилось знание о затопленном селе. Михаилу казалось, что и сам он стал свидетелем того, как оно полностью оказалось под водой, хотя ему тогда было всего четыре. Две яркие картинки, будто вспышки, не раз возникали у него в голове. Первая – как они с отцом идут на рыбалку, и село еще стоит на противоположном берегу. Вторая – как река стала шире, домов больше нет, а посреди воды – одинокая белая церковь.

Может, это мозг так шутит, выдает фантазии за действительность? Может, и не ходил Михаил с отцом на рыбалку сюда. Может, и не видел Крохино ни целым, ни затопленным. Четыре года – какие там воспоминания могут быть?

Но картинки в голове такие ясные, такие четкие, что Михаил убедил себя в том, что все же помнит это, а не придумал, а значит, имеет право возить туристов.

Паромщик понимал, что экскурсовод из него так себе, что, задай ему турист какой-нибудь каверзный вопрос, он не ответит, замнется, растеряется. Но пока обходилось без этого – с туристами Михаилу везло. Или знал, кому экскурсию предлагать. Или туристы забывали обо всем, едва видели церковь, маяком высившуюся посреди широкой реки.

Он вновь завел мотор, приблизился к острову. Даже не совсем острову – со стороны обвала тоненькая песчаная полоска. Он слез прямо в воду и вытащил лодку на песок. Прямо по завалу внутрь церкви бежала тонюсенькая утоптанная тропка – местные мальчишки проложили. У них целый ритуал: собираешься на рыбалку, обязательно на церковный остров заскочи, а то улова не будет. Или будет, но все мелочь, какую и кошке стыдно отдать. Мальчишки же внутри колокольни деревянную лестницу приставили и забираются по ней к ближайшему окошку. Сидят там и свистят на всю округу.

– По лестнице лучше не лазать, – предупредил Михаил туристов. – Самодел. Да и колокольня – не знаешь, в какой момент обвалится. Так что будьте аккуратны. Вот эта вот стена пять лет назад в один момент рухнула. Хорошо, никого рядом не было. Вы вообще как? Внутрь ползете?

Первое время Михаил не причаливал к церкви – обвозил вокруг нее, делал остановки на воде, давая возможность по-

любоваться, сфотографировать, но все чаще и чаще его спрашивали: нельзя ли попасть внутрь? Михаил поначалу отказывал – боялся за туристов, потом не выдержал, сам залез, побродил, убедился, что если быть аккуратным, то не так и опасно, и с тех пор показывал церковь и изнутри. Удивлялся, что редко кто отказывался ползать по заброшенному.

Вот и сегодняшние туристы согласились. Едва оказавшись на песке, поползли по завалу, пробираясь внутрь. Михаил шел за ними.

От внутреннего убранства церкви не осталось ничего: ни росписей, ни иконостаса, даже где был алтарь, сразу не поймешь. В проемах верхних окон выросли кусты и две березки по разные стороны – как два стражника. Красиво и тоскливо одновременно. Заброшенное всегда наводит тоску, но здесь она особенная – светлая.

– Вообще, конечно, церковь рушится понемногу, – говорил Михаил. – Тут еще дно углубили, совсем рядом с островом, чтобы суда могли проходить. Белое озеро дак вообще когда-то было мелкое для крупных судов, а еще шторма часто случались, поэтому когда-то по нему только лодки-«белозерки» ходили.

– А сама церковь какого года? – спросила одна из женщин, вглядываясь в стены, выискивая на них остатки фресок.

Михаил плохо запоминал даты, поэтому незаметно для туристов глянул в буклет:

– Тысяча семьсот восемьдесят восьмого. Здесь когда-то

и клуб был, и сено сушили, и колхозный склад устроили. А незадолго до затопления на колокольне установили маяк для судоходства, поэтому-то церковь и не снесли.

– Жалко, конечно, – сказала женщина. – Мы вот как-то по Тверской области ехали на Устюжну, там столько заброшенных церквей! Мы в одну заглянули, так там даже фрески сохранились до сих пор, хотя купол обрушился. Тоже красиво, и так хочется, чтоб восстановили!

– Это да, – согласился Михаил. – Вон волонтеры хотят восстановить эту, но пока непонятно как, что здесь будет. Вряд ли снова службы станут проводить. Попробуй-ка еще доберись досюда.

В колокольню Михаил с туристами не пошел: там разрушений меньше, за туристов спокойнее. Напомнил только, чтоб на лестницу не залезали. Сказал, что у них пятнадцать минут – и пора возвращаться. Вышел на руины, закурил. Ритуал, пока туристы осматривают церковь, – обязательно выкурить сигарету, глядя на реку, берега, заросшие осокой, крошечную точку парома, его и не видно толком, но Михаил знает, что он там. Ждет. За сегодня это уже третья сигарета на церковных руинах, но по-прежнему до того хорошо, что сердце замирает, словно во всем мире есть только Михаил, церковь Рождества Христова, затопленное Крохино, река Шексна и маленькая паромная переправа через нее. И чайка, что вновь раскричалась, сидя на колокольне.

Туристы вышли из церкви так тихо, что Михаил их и

не услышал, заметил лишь, когда встали рядом. Женщины обычно не терпят табачного дыма, морщатся, а тут будто и не заметили вовсе. Без слов спустились к лодке, сели, Михаил оттолкнул ее от узкой полоски берега, запрыгнул сам. Мотор затарахтел негромко, тоже не хотел нарушать тишину.

На обратном пути Михаил медленно обошел на лодке затопленную церковь кругом, пассажиры притихли, только фотоаппаратом щелкают, и то неловко, чего-то стесняясь. Этот момент Михаил тоже любил, когда шумные туристы вдруг замолкали, погружались в свое. Он тогда чувствовал, что не зря свозил, что никто не будет жалеть о потраченной пятисотке. Прибавил оборотов и пошел обратно к переправе.

Туристы зажмурились от сильного ветра и брызг в лицо, но Михаил знал, что и это им нравится. Одна из женщин весело взвизгнула, подтверждая его мысли.

2. Васька

Паром работал до восьми. Последний рейс на противоположный берег, через двадцать минут – последнее возвращение. Как всегда, нашлись опоздавшие-недовольные. Высокая женщина в панамке не по возрасту – сняла с дочери – хлопнула дверью машины и поперла на паромщиков:

– Неужели сложно еще раз проплыть?

«Не проплыть, а пройти», – мысленно поправил Михаил.

– Расписание-то видите? – спокойно спросил его коллега, Илюха. – В восемь ноль-ноль последний рейс. Сейчас сколько?

– Сейчас я опаздываю к брату на юбилей! – взвизгнула женщина. Панамка съехала набок.

Муж ее сидел в машине, наблюдал за происходящим и, судя по скучающему виду, вмешиваться не собирался. Ему словно было все равно, попадут они к брату, не попадут, поднимут тост за его здоровье, не поднимут.

– Дак что ж вы не подумали? Приехали бы на двадцать минут раньше, и никаких проблем – успели бы и на юбилей, и в баню, и еще в тыщу мест.

Михаил говорил, а сам проверял, надежно ли пришвартован паром, крепко ли привязан, не возьмет ли над ним верх течение Шексны. Здесь важно не торопиться, не отвлекаться, но женщина нависла над паромщиками, накрыла тенью,

зудела и зудела, зудела и зудела.

– Мне нужно в Липин Бор! Меня там ждут!

– И нас дома ждут! – ответил Илюха.

– Вы можете вокруг, – предложил Михаил. – Через Кириллов.

– Это на два часа дольше! – крикнула женщина. – Это я под конец банкета заявлюсь!

Муж не выдержал, высунулся в окно:

– Кать, поехали уже!

– Нет, ты понимаешь, – Катя стояла между паромом и машиной, размахивала длинными руками, взбивая бестолково воздух. – Им сложно еще один рейс сделать, обслужить добрым людям.

– Не положено, – сказал Михаил, вставая перед паромом. Он все закончил, но боялся, что женщина прикажет своему безвольному мужу ехать прямо на палубу, будет потом кричать оттуда, чтоб везли ее на другой берег, а не то останется тут. – Мы вам услужим, а нам потом начальство по шапке.

– «Не положено»! – передразнила женщина.

– Кать, поехали! – повторил муж.

Недовольная женщина скинула наконец дурацкую панамку, прыгнула в машину. Взревел мотор, поднялась пыль. Дребезжа и посвистывая, старый «жигуль» увез Катю к брату на юбилей.

Михаил закрыл глаза, ожидая, пока посторонние звуки стихнут. Настала тишина – лишь перешептывание речных

вод, отдаленные крики птиц, шорох прибрежных трав и ворчание Илюхи в сторожке. Хо-ро-шо. Михаил любил этот момент, когда паромная жизнь останавливалась. Оставалось лишь накормить Тузика, паромного пса, что сегодня вел себя подозрительно скромно, ни разу не высунувшись из будки, – жара, закинуть в рюкзак банку из-под съеденного супа, переодеться и домой.

Михаил выкатил из-за угла старенькую «Викторию», махнул Илюхе, прыгнул на велосипед и напрямки помчался по проложенной через луг тропинке к жене и дочери.

Но сначала – Васька.

Васька ждал Михаила посреди тропы через лес, по которой паромщик каждый день возвращался с работы. Здесь Михаил слезал с велосипеда и шел пешком, потому что по расчерченной еловыми корнями дорожке ехать невозможно – трясло так, что ладони отбивало.

Васька знал, что встречать соседа у парома нельзя – там будут над ним насмехаться. Остальные паромщики из других деревень Ваську не знают, но будто чувят, что на него можно и матом, и прогнать, и собаку науськать шутки ради. Михаил не будет в этом участвовать, но и заступаться не станет. Если же ждать на опушке, то до Заболотья всего ничего – пять минут и разошлись. Ваське же хотелось подольше побыть с Михаилом, пройти рядом: «Вот мы вдвоем. Я и сосед, идем, мы, мы, я и сосед, вдвоем, мы, мы».

Васька встречал Михаила с работы чуть ли не каждый день. Паромщик не гнал его, разве что иногда. Михаил был единственным, кто не смеялся над Васькой, не обзывал. Мог даже перекинуться с ним парой слов, спросить, как дела, выслушать ответ, кивнуть. А Ваське большего и не надо. Он привязался к Михаилу, потому что ему очень нужно быть хоть к кому-то привязанным, как собаке.

Никто не любил Ваську. И он в ответ никого не любил.

К деревенским дурачкам всегда относились снисходительно, подшучивали, но не обижали. Но Васька не совсем дурачок, он просто странный: болтливый, прямой – нес ерунду не думая. В Заболотье говорили: «Что у дурака на уме, то у Васьки на языке». За необдуманные слова ему не раз доставалось: то водой обольют, а то и, хоть и редко, кулаком по лицу.

Кличка Помело привязалась к Ваське глупо, но сразу и накрепко. Ему было четырнадцать, когда он пристал к баб Дуне, что шла в магазин за «Чайным» печеньем.

– Слыхали, хлеб теперь варгают из голубей? – выскочил он перед ней на тропинку. – А молоко теперь только верблюжье. И пряники не грабастайте, их все хаот – в них мышинные хвосты.

Баб Дуня хохотнула:

– Мели, Емеля, твоя неделя!

Васька не останавливался:

– Вы обумляете, что вместо сахара теперь соль скидают?

А вместо соли – песок из реки.

В магазин за баб Дуней зашел, там продолжил:

– В конфетах шоколадных – яд. Вместо водки воду ливают из колодца. Там уже и воды не осталось, так что водка скоро ссякнется.

Баб Дуня устала от Васьки, махнула на него рукой, будто назойливую муху отгоняя, на весь магазин крикнула:

– Ну и помело же ты!

Все, кто был в магазине, засмеялись. Нинка Петрова по прилавку ладонью шлепнула:

– И впрямь помело!

Так и разнеслось по Заболотью, так и пошло: Васька-Помело, помело этот наш Васька.

Васькина мама, Валентина Ивановна, так расстроилась из-за этой клички, что неделю с кровати не вставала, все стояла и компрессы холодные на голову себе клала.

Она еще в четыре Васькиных года поняла, что с сыном что-то не так: слишком шумный, слишком говорливый, слишком его много. Он заполнял собой весь дом, каждый угол гудел от него, стекла в окнах звенели от его криков. Едва просыпаясь, Васька начинал говорить-говорить-говорить без конца, умолкал лишь во сне. И то в дремоте бормотал бессвязное, неразборчивое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.